

Вера Тольц

Петербургское востоковедение начала XX века и критика европейской науки о Востоке

Предисловие

Этот текст представляет собой русский перевод главы моей книги *«Russia's Own Orient»: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*¹. Книга посвящена деятельности группы российских востоковедов, которые на рубеже двадцатого века выступили с далеко идущей критикой преобладающих в то время подходов к изучению культур Востока. В книге показывается, что выводы этих востоковедов предвосхитили постколониальный подход, ставший особенно влиятельным в западной науке, начиная с конца 1970-х годов. Работа исследует опосредованное влияние ревизионистских идей российского востоковедения рубежа двадцатого века на родоначальника постколониализма Эдварда Саида через интеллектуалов с Ближнего Востока, учившихся в Советском Союзе в 1960-е годы. Именно этот сюжет обсуждается в приводимой ниже главе.

Предлагаемая здесь глава и книга в целом ставят вопрос об истоках ревизионизма российского востоковедения первых десятилетий двадцатого века. Работа показывает, что, начиная с 1880-х годов, критика важных предпосылок европейской науки девятнадцатого века была не специфически российским, а общеевропейским интеллектуальным явлением. Утверждения представителей российских интеллектуальных элит об особой близости России к Востоку не стоит принимать на веру. И тем не менее, в книге делается вывод, что именно в начале двадцатого века определенная специфика у российского востоковедения была. В тот период ряд политических, социальных и культурных факторов создали условия для необычно интенсивного диалога между петербургскими учеными и представителями меньшинств восточных и южных окраин Российской империи. Именно в процессе этого диалога была сформулирована критика европейского колониализма и предложены проекты по интеграции меньшинств, которые оказали влияние на политические процессы в России как в преддверии революций 1917 года, так и в первое постреволюционное десятилетие.

Ученые, чьи идеи и подходы обсуждаются в этой книге, причисляли себя к «новой школе востоковедения», основателем которой был известный арабист и

¹ Oxford: Oxford University Press, 2011. Русский перевод всей книги под названием *«Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский периоды* вышел в московском издательстве «Новое литературное обозрение».

специалист по Исламу, барон В.Р. Розен (1849-1908). Учениками Розена считали себя, пожалуй, самые известные российские востоковеды позднеимперского и раннесоветского периода: В.В. Бартольд (1869-1930), специалист по Средней Азии и Исламу; Н.Я. Марр (1864-1934), который был не только автором лингвистических псевдо-теорий, но и кавказоведом и археологом; С.Ф. Ольденбург (1863-1934), индолог и специалист по буддизму; Ф.И. Щербатской (1866-1942), индолог, буддолог и тибетолог. О разных аспектах деятельности этих ученых существуют современные исследования. Однако эти ученые никогда раньше не изучались вместе, как представители единого общеевропейского интеллектуального направления, которые совместно оказали существенное культурное и политическое влияние в период политических и социальных катаклизмов в России и Европе.

* * *

Переосмысление учеными таких важных для европейцев понятий как «Запад» и «Восток», выявление ими сконструированности категорий «Европа» и «Азия» и подробный анализ отношений между востоковедением и политической властью были частью их более широкой критики состояния европейской ориенталистики, а также общих посылок романтического национализма, на которых основывалась европейская наука XIX века. С 1880-х годов ревизионистские тенденции в гуманитарных науках в Европе стимулировались открытием новых археологических материалов и древних текстов о различных культурах Востока, что вызвало критику превалирующих в то время представлений о происхождении «европейской цивилизации» из древнегреческой и римской культур, чьи достижения обычно воспринимались как качественно новый этап в истории человечества. На основе новых исторических свидетельств австрийские и немецкие ориенталисты особенно активно приступили к разрушению «знакомой картины классического мира и независимости и своеобразия [греческой, римской и европейской культур], используя восточный материал для критики старых предрасудков и догм»².

В большинстве случаев ревизионистские тенденции в той или иной области науки бывают связаны с более широкими изменениями в обществе и профессиональными интересами ученых. Так было и в рассматриваемом здесь российском случае. Розен начал создавать новую школу востоковедения на принципах немецкого ревизионизма и увязал деятельность этой школы с собственно россий-

² Marchand S. *German Orientalism and the Decline of the West* / *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2001. Vol. 145. № 4. P. 465-473, здесь p. 469. См. также: Idem. *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship*. Cambridge, 2009.

ской ревизионистской традицией, которая была связана с именем историка византийского искусства Кондакова. Последователи Розена сумели придать новое направление ревизионизму и (в особенности в период после революций 1917 года) еще больше радикализировали ревизионистские тенденции европейской ориенталистики конца XIX – начала XX века. Отражая общие тенденции общеевропейского развития, ревизионизм в российском востоковедении обладал и собственными специфическими чертами.

Претензия России на особую роль в изучении «Востока» была высказана уже в 1810 году в период первого «восточного Ренессанса» в Европе. Ее автором был граф Сергей Уваров, впоследствии получивший известность своей концепцией государственного патриотизма, в основе которой лежала триада «самодержавие, православие и народность»³. К концу первого десятилетия XIX века Уваров предложил учредить в Санкт-Петербурге Азиатскую академию, что, по его мнению, позволило бы науке извлечь пользу из того обстоятельства, что многие подданные Российской империи были азиатского происхождения. По замыслу Уварова, в этой академии «европейский критик» должен был трудиться рука об руку с «азиатским ламой»⁴. Плану Уварова не суждено было воплотиться в то время, но в 1840-е годы, в период, когда русская интеллигенция приступила к систематическому поиску уникальных особенностей так называемого «национального характера» русских, Василий Григорьев сделал вывод, что тот факт, что азиатские народы являются подданными Российской империи дает российскому востоковедению преимущество над западноевропейской наукой о «Востоке»⁵. Григорьев не приводил никаких убедительных доказательств в подтверждение своего тезиса. До момента возникновения школы востоковедения Розена это заявленное преимущество российской науки в значительной степени было стандартным проявлением общеевропейского стремления к поиску национальной специфики. В настоящей главе показывается, что только на рубеже XX века и в 1920-е годы наличие «азиатов» на периферии Российской империи стало существенным образом влиять на развитие русской науки о «Востоке».

Национализация российского востоковедения, нашедшая свое отражение в призыве Розена изучать «собственный Восток», способствовала исследованию текущего состояния неевропейских народов России в период, когда доминирующая в Европе немецкая модель востоковедческих исследований была склонна рассматривать современный «Восток» как малоинтересный для науки. Еще одной отличительной особенностью ситуации, сложившейся в России и повлиявшей на научные исследования, явился приток на рубеже XX века в столичные высшие учебные заведения, включая Санкт-Петербургский университет, пред-

³ Schwab R. *Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880*. N.Y., 1984.

⁴ Riasanovsky N.V. *Asia through Russian Eyes // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian People* / Ed. Wayne S. Vucinich. Stanford, 1972. P. 13.

⁵ Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 1. P. 79–80.

ставителей восточных народностей. Как уже обсуждалось ранее, последователи Розена принимали активное участие в широко развернувшихся дискуссиях о способах интеграции этих меньшинств в общероссийское государственное общество. По мнению ученых, одним из способов такой интеграции могло стать привлечение образованных представителей нацменьшинств к исследованиям в области востоковедения. Эта инициатива имела последствия – как политические, которые мы рассмотрим чуть позже, так и интеллектуальные, о которых говорится в этой главе.

Поражение России в войне с Японией и Первая мировая война существенно содействовали переосмыслению широко распространенных европоцентристских предпосылок мировоззрения XIX века. В свою очередь, распад Российской империи в ходе той же войны, революция 1917 года и создание большевиками нового государства на антиколониальной основе (по крайней мере, на уровне декларируемых заявлений) усилили интерес российских ученых к влиянию европейского колониализма на область их исследований. В 1920-е годы вовлечение представителей школы Розена в разработку новых стратегий ассимиляции нерусских этнических групп в новом советском государстве на принципах, часто отличающихся от используемых другими имперскими державами, вынуждало ученых переосмысливать значения таких категорий, как национальность и этническая принадлежность, язык и диалект. Вовлечение ученых в процессы, которые большевики называли «национальным строительством» на имперской периферии, послужило дальнейшему укреплению связей академического сообщества столичных городов с представителями восточных и южных национальных меньшинств, некоторые из которых были студентами Санкт-Петербургского университета на рубеже XX века. Кроме того, в контексте разрушения старого общественного порядка традиционные представления об источниках власти, включая власть определенных доминирующих научных идей и подходов, были подвергнуты тщательному пересмотру и стали открыты для критики.

Таким образом, в 1920-е годы, последовавшие за такими драматическими историческими событиями, как война и революция, авангардистские эксперименты и ревизионизм – отличительные черты европейской культуры рубежа XX века – резко усилились. В этот период интенсивного интеллектуального брожения Россия играла ведущую роль в развитии новых форм искусства и новых областей научного исследования. Действительно, как показывают работы Галина Тиханова и Крейга Брандиста, происхождение таких научных областей как теория литературы и социолингвистика следует искать в российской и центральноевропейской науке начала XX века. Ревизионизм российского востоковедения может быть понят только в этом широком культурном контексте⁶.

⁶ Tihanov G. Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why Is It Now Dead?) // *Common Knowledge*. 2004. Vol. 10. № 1. P. 64; Brandist C. Le marrisme et l'héritage de la Völkerpsychologie dans la linguistique soviétique // *Cahiers de L iLSL*. 2005. № 20. P. 29-56. См. также о возникшей в 1910–1920-е годы оригинальной Московской математической

Наконец, в ситуации относительной политической децентрализации – в которой дореволюционные формы институционализации и контроля над наукой были ослаблены и, порой, разрушены, в то время как новые структуры находились до конца 1920-х годов в процессе формирования и непрерывно менялись – можно было достаточно легко создавать новые междисциплинарные и экспериментальные исследовательские группы, занимающиеся ревизионистскими проектами. Брандистом было продемонстрировано, что в рамках этих институтов ученые могли приобретать символический престиж и официальное признание среди коллег, если им удавалось убедительно доказать, что их работа предлагает «более точное представление о мире, чем у их конкурентов». В результате эти новые (обычно недолговременные) научно-исследовательские учреждения советской России 1920-х годов создали ситуацию, в которой конкуренция между учеными сильно «способствовала эпистемологическому прогрессу»⁷.

В данной главе мы сначала рассмотрим разностороннюю критику, высказанную учеными школы Розена в отношении современного им состояния востоковедения; затем покажем, как эта критика повлияла на постколониальную науку на Западе. Далее мы более подробно проанализируем одну из областей востоковедения – изучение буддизма, так как именно в ней российские ученые предложили наиболее новаторские методы решения проблем, существующих в их дисциплине.

Критическая ориенталистики в работах Бартольда, Марра и Ольденбурга

Первая систематическая критика научной ориенталистики в Европе российским ученым была высказана вскоре после окончания Русско-японской войны. Это была *История изучения Востока в Европе и России* Бартольда, которую мы уже обсуждали в книге в связи с анализом устоявшихся категорий, сквозь призму которых европейцы привыкли воспринимать мир⁸. Эта работа была не только одним из наиболее подробных из существовавших на то время обзоров европей-

школе: Graham L., Kantor J.-M. *Naming Infinity: A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity*. Cambridge, 2009.

⁷ Brandist C. *Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILJAZV) 1921–1933* // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. № 2-4. P. 172. О 1921-1927 годах как о периоде культурного плюрализма и экспериментирования см., например: Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N.Y., 1989. Полезный фактический материал о новых институциональных структурах в Петрограде/Ленинграде, где учеными вырабатывались в высшей степени оригинальные идеи и теории, представлен в: Жирмунская-Аствацатурова В.В. В.М. Жирмунский и эпоха Сталинизма // *Russian Literature*. 2008. Vol. 63. № 2-4. P. 371-382.

⁸ Версия 1920-х годов опубликована в: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. 9. С. 199-482. Первое издание книги вышло в свет в 1911 году, второе – в 1925. В *Сочинения* В.В. Бартольда вошла последняя версия с предисловиями к 1-му и 2-му изданиям. См.: Т. 9. С. 199-482.

ской науки о «Востоке», но и значительно более амбициозным по своим целям проектом, чем предшествующие аналогичные исследования⁹. Работа Бартольда представляла собой не просто насыщенный фактами хронологический отчет об основных исследованиях и проектах в области ориенталистики. Напротив, это был комплексный анализ представлений о «Востоке» и «Западе» различных авторов, начиная с древней Греции и до сегодняшнего дня, содержащий критику декларируемых ими исторических, культурных и политических предрассудков.

Отдавая должное западноевропейским, в первую очередь австрийским и немецким арабистам – от Альфреда фон Кремера до Карла Генриха Бека, – за принятые ими усилия в борьбе с предубеждениями европейской науки о «Востоке» и подчеркивая, что его учитель – Розен – был первым, кто применил этот новый подход к изучению ислама в России, Бартольд продемонстрировал, как христианские предубеждения и враждебное отношение к исламу продолжали оказывать свое влияние на ориенталистику в Европе вплоть до XIX века. Хотя, с точки зрения Бартольда, вполне можно было бы заниматься наукой, не попадая под влияние политических пристрастий, ориенталистам часто не удавалось сохранять такую объективность. По мнению самого Бартольда, дихотомия Восток-Запад, разделяемая не только большинством простых европейцев, но и многими учеными, была бессмысленна. Он утверждал, что необходимо было лишь оглянуться на культурные и политические достижения «исламского мира» в прошлом и на сегодняшнюю «энергию» «представителей мусульманских движений, которой могли бы позавидовать представители многих общественных организаций в Европе»¹⁰. По мнению Бартольда, чувство собственного культурного и технического превосходства полностью развилось в Европе только в XVII веке, а позже ученые экстраполировали это восприятие на прошлое¹¹. Двигаясь дальше во времени, Бартольд отмечал, что «[у]спехи востоковедения в XIX в. определяются отчасти развитием европейской колониальной политики, отчасти успехами, вообще достигнутыми в эту эпоху европейской научной мыслью, притом еще больше в области гуманитарных наук, чем в области естествознания»¹². Таким образом, ученый полностью отдавал себе отчет в существовании тесной связи между востоковедением и империализмом, в частности, и между научным знанием, политической властью и общественным развитием в целом¹³. Социальные условия и политика оказывали влияние на науку и способствовали созданию раз-

⁹ Mohl J. Vingt-sept ans d histoire des études orientales: rapports faits à la Société asiatique de Paris de 1840 à 1867. 2 vols. Paris, 1879–1880; Dugat G. Histoire des orientalistes de l Europe du XIIe au XIXe. siècle. 2 vols. Paris, 1868–1870. Это также относится к исследованию Н.И. Веселовского о российском востоковедении. См.: Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С-Петербурге. 1876. Т. 1. / Под. ред. В.В. Григорьева. СПб., 1879–1880. С. 97-256.

¹⁰ Бартольд В. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 371.

¹¹ Он же. История изучения Востока в Европе и России. С. 234, 310; Он же. Культура мусульманства. С. 145.

¹² Он же. История изучения Востока в Европе и России. С. 319.

¹³ См. Главу 3.

личных школ и подходов к научной работе. По мнению Бартольда, культурная отсталость России и незаинтересованность государства в науке объясняли ограниченность достижений российского востоковедения, несмотря на преимущественное географическое положение России для проведения таких исследований по сравнению с Западной Европой¹⁴.

Тщательно анализируя существующие подходы, Бартольд строго критиковал многих ведущих европейских ориенталистов за воспроизведение расхожих предубеждений в отношении «Востока», особенно за преуменьшение достижений мусульманских обществ и предание забвению того, насколько толерантными были исламские общества по сравнению с христианским миром до относительно недавнего времени¹⁵. Бартольд сетовал, что в России публикации об исламе были часто особенно некомпетентными и вводили в заблуждение и общество, и правительство¹⁶. За шесть десятилетий до появления книги Саида Бартольд уже критиковал Бартелеми д'Эрбело и Уильяма Мьюра, Рейнхарта Дози и Эдварда Гиббона за некритическое воспроизведение исторически сложившихся и культурно-обусловленных европейских предубеждений в отношении ислама и за склонность к скоропалительным морализаторским обобщениям, основанным на ограниченном знании первоисточников. Бартольд высказывал озабоченность тем, что многие его современники продолжали некритически ссылаться на эти работы, и особенно негативно оценивал освещение ислама в *Кембриджской истории средневековья*, изданной в 1913 году¹⁷.

Недостаток этой и других работ, как отмечал Бартольд, заключался в том, что они были подвержены влиянию распространенного мнения, что «вся жизнь мусульманских государств до настоящего времени определяется учением основателя ислама и теориями толкователей этого учения»¹⁸. На самом деле все было не так, и подобный религиозный детерминизм был в принципе невозможен¹⁹. Постепенно некоторые ученые пришли к пониманию того, что, как отмечал Бартольд в предисловии к первому выпуску журнала *Мир ислама* в 1912 году: «Религии вынуждены применяться к обстоятельствам действительной жизни, а не наоборот, и ислам в этом отношении не составляет исключения»²⁰. (Бартольду

¹⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. С. 467.

¹⁵ Ревизионистские взгляды Бартольда на историю ислама и мусульманские общества нашли свое отражение в его работах по этой тематике, которые он начал публиковать на рубеже XX века. Опубликовано в его: Сочинения. Т. 6.

¹⁶ Бартольд. Мусульманский мир. С. 286-287, 403-412.

¹⁷ Там же. С. 271-272, 278, 295-296. Критику Саидом тех же авторов, которых критиковал Бартольд см. в: Said E. Orientalism. P. 65-66, 74, 150-151.

¹⁸ Бартольд В.В. Теократическая идея и советская власть в мусульманском государстве // Сочинения. Т.6. С. 303.

¹⁹ Он же. Мусульманский мир. С. 295-296; Он же. История изучения мусульманского мира в России (1917) // ПФ АРАН. Ф. 68. оп. 1. Д. 239. Л. 24. См. также статью Бартольда «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве» (1902) в его: Сочинения. Т. 6. С. 303-304.

²⁰ Он же. От редакции <журнала Мир Ислама>. С. 367.

позволили занимать пост редактора в этом журнале всего только один год, после чего правительство распорядилось об его замене.)

Еще раньше, в начале своей академической карьеры в 1896 году, Бартольд высказал мнение, что на «Востоке», равно как и на «Западе», «ход истории определяется, по большей части, если не исключительно, экономическими факторами»²¹. Бартольд был одним из первых европейских специалистов по исламу, обративших особое внимание на экономические и политические события в изучаемых ими обществах²². Соответственно, именно Бартольд был тем автором, на которого ссылался Бернард Льюис, опровергая утверждение Саида о том, что специалисты по мусульманским обществам не принимали во внимание экономические и политические аспекты, придавая слишком большую объяснительную роль религиозному фактору²³. Бартольд заявлял вслед за Розеном: «В настоящее время можно считать доказанным, что главный фактор прогресса – общение между народами, что прогресс и упадок отдельных народов объясняются не столько их расовыми свойствами и религиозными верованиями, не столько даже окружающей их природой, сколько тем местом, которое они в разные периоды своей исторической жизни занимали в этом общении. [. . .] Культура мусульманского мира была выше культуры христианского, пока в руках мусульман оставались главные пути мировой торговли»²⁴.

Тем не менее, считал Бартольд, расстановка сил начала меняться «после открытия [европейцами] Америки и морского пути в Индию»²⁵. В культурном и техническом превосходстве современной Европы он не сомневался. Он считал, что, помимо прочего, это проявлялось и в превосходстве европейских методов научного исследования, особенно в области гуманитарных наук²⁶. Утверждая, что единственно возможная модель модернизации – та, которой следует Европа, он, таким образом, устанавливал прямую связь между развитием европейской науки (особенно, начиная с XVIII века) и политическим господством Европы в мире. Как было отмечено в предыдущей главе, Бартольд не высказывал никаких возражений против такого доминирующего положения Европы и не клеймил европейский империализм в Азии как таковой, хотя и критиковал некоторые аспекты российской имперской политики²⁷.

²¹ Он же. Об одном историческом вопросе // Среднеазиатский вестник. 1896. Нояб. вып. С. 53.

²² Сам Бартольд отмечал, что его интерес к вопросам экономики и политики в мусульманских странах был проявлением общеевропейской тенденции, также наблюдаемой среди ориенталистов Германии, Франции и Италии. См.: Он же. История изучения мусульманского мира в России.

²³ Lewis B. Islam and the West. New York, 1993. P. 112.

²⁴ Бартольд В.В. Культура мусульманства. С. 146.

²⁵ Он же. От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 372.

²⁶ Там же. С. 374.

²⁷ Он же. История изучения Востока в Европе и России. С. 327, 329; Он же. Культура мусульманства. С. 203; От редакции <журнала «Мир ислама»>. С. 374. Бартольд отличался от Саида своей незыблемой верой в современное культурное превосходство Европы, а также в превосходство европейского научного мышления над «туземными» формами знания. Об этом сравне-

В отличие от Бартольда, двое других представителей школы Розена – Марр и Ольденбург – предложили свою критику европоцентризма в европейской ориенталистике, включавшую в себя резкие нападки на европейский империализм и колониализм, а также на устоявшиеся научные методики, которые, по убеждению этих ученых, нередко фундаментальным образом зависели от политических соображений. Последовательная критика Марра в адрес западноевропейской науки за «истребление» ею как «плоти», так и «духа» различных народов Азии, Африки, Северной и Южной Америки была особенно резко сформулирована в его лингвистических работах 1920-х годов²⁸. Тем не менее, критика Марром западноевропейской науки за ее содействие выработке негативных стереотипов восприятия «Востока» и деструктивного характера европейского империализма началась уже в 1890-е годы и значительно обострилась в период 1915–1916 годов, в контексте Первой мировой войны²⁹.

Война стала поворотным моментом в осмыслении природы российского и европейского империализма для многих либеральных представителей русской интеллигенции³⁰. В контексте войны некоторые ученые начали более обстоятельно, чем когда-либо ранее, размышлять о том, каким образом политические соображения могли влиять на поведение и мышление их коллег. Эти размышления были частично спровоцированы ощущением предательства, которое российские ученые, в том числе и немецкого происхождения, испытали перед лицом антироссийской пропагандистской кампании в Германии. Во время войны немецкая пресса публиковала открытые письма, подписанные известными немецкими учеными, которые изображали Россию страной «варваров-азиатов», от полчищ которых необходимо было уберечь европейскую цивилизацию³¹. В свою очередь, некоторые российские ученые усилили ответную критику «Запада», подвергнув более детальному обсуждению, чем раньше, методы, использовавшиеся западно-

нии Бартольда с Саидом см.: Evans Charles T. Vasilii Barthold: Orientalism in Russia? // *Russian History*. 1999. Vol. 26. № 1. P. 25-44.

²⁸ Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1. Л., 1933. С. 90-91.

²⁹ См., например, статью Н.Я. Марра «Кавказоведение и абхазский язык», впервые представленную в виде его лекции в Сухуми в 1915 году, а затем опубликованную в 1916 году в его: Избранные работы. Т. 1, в частности, С. 67; Марр Н.Я. К вопросу о задачах арменоведения // *ЖМНП*. 1899. Сер. 324. № 7. Отд. 2. С. 246-247. Обсуждение европоцентризма европейской ориенталистики см.: Марр Н.Я. Об организации Факультета общественных наук // *ПФ АРАН*. Ф. 800. Оп. 1. Д. 261. Л. 28.

³⁰ Ростовцев М. Международное научное общение // *Русская мысль*. 1916. Кн. 3. С. 76-77; См. также: Randall P.A. Religion, War, and Revolution: E.N. Trubetskoi's Liberal Construction of Russian National Identity, 1912–1920 // *Kritika*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 195-240 ; Holquist P. Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // *Ibid*. P. 241-273.

³¹ Marchand S. Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany, 1750–1970. Princeton, 1996. P. 235-236. В ответ на это некоторые российские ученые поставили свои подписи под письмами с подобными выпадами в адрес Германии. Ольденбург и большинство других членов Императорской Академии наук воздержались от их подписания. См.: Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб., 2006. С. 66.

европейскими учеными в их полевых исследованиях на «Востоке»³². Неудивительно, что в ходе этого делались заявления о большей объективности русской науки, которые основывались порой на сомнительных аргументах.

Война значительно ослабила международное научное сотрудничество в Европе, начавшее развиваться в XIX веке. В результате конкуренция между национальными научными кругами обратилась в прямую конфронтацию, а совместная работа ученых со своими национальными правительствами существенно расширилась³³. В то же время, начиная с XVIII века, войны использовались европейскими ориенталистами и другими учеными для получения доступа к еще неисследованным историческим материалам на территориях, оккупированных войсками их государств. В условиях Первой мировой войны ученые провозглашали себя хранителями исторических достопримечательностей на оккупированных территориях. Например, ученые Германии составляли списки подлежащих сохранению памятников старины на западных окраинах Российской империи, которые на тот момент находились под немецким контролем, особо подчеркивая в своих отчетах запущенное состояние местной старины³⁴. Руководствуясь той же практикой, в 1916 году Российская Императорская Академия наук назначила Марра координатором и руководителем археологических, этнографических и лингвистических экспедиций на территории Османской империи, оккупированной российскими войсками. В первый год войны Ольденбург возглавил крупную экспедицию в Восточный Туркестан³⁵.

В условиях войны, когда империи вели ожесточенную борьбу за территории, прилегающие к их границам, ученые больше чем когда-либо раньше начали напрямую связывать свои интеллектуальные устремления с политикой, полагая, что их археологические и этнографические находки помогут обосновать претензии их государств на определенные территории. В условиях беспрецедентной войны унаследованное от XIX века представление о том, что ученые обладают приоритетом в изучении исторических объектов, расположенных в пределах границ их государств, приобрело новый политический смысл. Например, научные конкуренты из-за рубежа стали восприниматься и представляться как военные противники.

Темпераментный Марр видел в западных ученых, стремившихся проводить в военное время археологические экспедиции где-нибудь у границ России, прямых

³² Ростовцев М. Международное научное общение.

³³ Там же.

³⁴ Liulevicius Vejas G. War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 129-130.

³⁵ Отчет академика Н.Я. Марра о командировке летом 1916 года на Кавказ для охраны памятников в районе военных действий // Известия Императорской Академии наук. 1916. Сер. VI. № 16 (15 нояб.). С. 1481; Фалев П.А. Отчет о поездке в Закавказье и в Азербайджан летом 1916 года (в связи с охраной памятников восточных древностей на Кавказском фронте // Известия Императорской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 3 (15 февр.). С. 171-173; Меньшиков Л.Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции. 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 4. С. 329.

врагов. Не только немецким ученым, но и гражданам государств Антанты не удалось избежать его гнева. Например, французские археологи, работавшие в Тифлисской губернии и в районах Персии на границах с Россией, были описаны Марром как хищные птицы, свившие свои гнезда «для эксплуатации наших собственных древностей». По словам ученого, «не дремавшие немцы повели научное наступление прямо на район нашей компетенции, решив обосноваться в Ване» в Турции с ее большой армянской общиной. В целом, «иностранные ученые на Западе при щедрой поддержке государственных и общественных учреждений» проявили «лихорадочную деятельность», сознательно нарушая права российских ученых³⁶. Однако, несмотря на это, Марр настаивал, что российские ученые выйдут победителями из этой военно-научной конфронтации. Их главным оружием, заявил Марр в сентябре 1917 года, станут его собственные исследования Кавказа, уже вдохновившие российское научное сообщество на разработку единственно правильного «общего миросозерцания», при помощи которого могут быть разрешены ключевые вопросы об истоках европейской цивилизации и культуры. На «Западе», с его недостаточным знанием и пониманием восточных обществ «такое общее миросозерцание не было выработано и не могло быть выработано»³⁷.

Такая резкая критика западноевропейской науки, сформировавшаяся в условиях мировой войны, оказалась весьма актуальной после большевистской революции 1917 года. Труды Марра в области лингвистики – главной области его академических интересов в советское время – все более и более усиленно клеймили европейский колониализм. Многие из заявлений Марра по проблемам языкознания были любительскими и зачастую просто абсурдными³⁸. Однако, по утверждению Брандиста, в то же самое время работы Марра, в частности, о важности идеологических и политических факторов в определении языковых границ, содержали в себе важные выводы, которые предвосхитили исследования в области социолингвистики на Западе более чем на пятьдесят лет. В свою очередь, настойчивые попытки Марра установить связь между индоевропейской лингвистикой и имперскими идеологиями, колониальной политикой и чувством европейского превосходства предшествовали появлению в 1992 году влиятельной книги Мориса Олендера *Языки рая*, развивавшей сходные идеи³⁹.

Один аспект массированных нападок Марра на устоявшиеся методы научного исследования имел особое значение для востоковедения. Это был его анализ категорий этнической и национальной принадлежности, согласно которому невозможно научно доказать наличие прямой связи между современными русскими

³⁶ Записка академика Н.Я. Марра о Кавказском Историко-Археологическом Институте // Известия Императорской Академии наук. 1917. Сер. VI. № 13 (1 окт.). С. 964-965.

³⁷ Там же. С. 977-978.

³⁸ См., например: Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; Thomas L.L. The Linguistic Theories of N. Ya. Marr. Berkeley, 1957.

³⁹ Brandist C. Marxism and the Philosophy of Language in Russia in the 1920s–1930s // Historical Materialism. 2005. Vol. 13. № 1. P. 63-84.

или немцами, армянами или грузинами с народами, населявшими те же территории многими веками раньше. Эта позиция, которая на сегодняшний день признается большинством ученых, в начале XX века была новшеством, так как шла вразрез с подходом написания национальных исторических нарративов, принятом в науке XIX века. Аргументы Марра носили также явный политический подтекст, так как именно в период Балканских войн и Первой мировой войны геополитические претензии европейских государств впервые стали систематически основываться на наличии связей такого рода⁴⁰.

Ревизионистские взгляды Марра в отношении категорий этнической и национальной принадлежности сформировались под влиянием, по меньшей мере, четырех факторов: уверенности его учителя Розена в смешанном характере любой культуры, которая не может быть отождествлена только с одной этнической группой; в высшей степени проблематичной и сложной природой идентичности самого Марра, являющегося одновременно уроженцем Кавказа и членом российского имперского научного сообщества; столкновениями Марра с грузинскими и армянскими национальными историками, которым не нравилось то, как он применял идеи Розена к изучению культур и истории Кавказа⁴¹; и участия Марра в реализации советской национальной политики, в результате которой для всего населения Советского Союза были разработаны категории этнонациональной принадлежности, иногда вне всякого соответствия с имеющимися научными данными и с самоидентификациями людей⁴².

И здесь опять война оказалась событием, серьезным образом поменявшим ход рассуждений Марра. Когда немецкие ученые были заняты поиском следов древней немецкой культуры на оккупированных западных окраинах Российской империи, что должно было подтвердить право Германии на политическое господство в этих регионах⁴³, Марр начал выступать с заявлениями, согласно которым историческое развитие сопровождается настолько массивными изменениями и сдвигами, что нет никакой возможности выстроить и научно обосновать национальную историю в виде непрерывной линии от прошлого к настоящему. Отойдя от своего более раннего взгляда на цели исследования Армении, состоявшего в проведении именно такой непрерывной линии⁴⁴, Марр обвинил своих коллег, в частности, из Армении и Грузии, в том, что их взгляды ничем не отличались от взглядов «оголтелых националистов», и что они подчинили научные исследования Кавказа националистическим целям. Марр утверждал, что примером нацио-

⁴⁰ Weitz E. From Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. № 5. P. 1313-1343.

⁴¹ Письма Н.Я. Марра В.Р. Розену // ПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 267. Л. 1, 16.

⁴² Марр Н.Я. Барон В.Р. Розен и христианский Восток // Памяти Барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909. С. 13; Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, N.Y., 2005; Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origin of Soviet Ethnogenesis // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 834.

⁴³ Liulevicius. *War Land on the Eastern Front*. P. 130-131.

⁴⁴ Марр. К вопросу о задачах арменоведения. С. 242.

нализма в науке было игнорирование армянскими и грузинскими учеными культуры и языков Закавказских нацменьшинств, не обладавших собственными прочными литературными традициями⁴⁵. В 1915 году он высказал ряд тезисов, имевших значительные политические последствия (они будут рассмотрены нами позже в этой книге), о «цивилизационном величии» этих малочисленных народов Кавказа⁴⁶.

Кроме того, согласно Марру, армянские и грузинские ученые сознательно преуменьшали влияние ислама на армянскую и грузинскую культуру и историю, поэтому Марр предпринял собственное исследование в этой области⁴⁷. Изучение Марром роли ислама в Закавказье подрывало не только местные представления об Армении и Грузии как чисто христианских обществах, но и аналогичное восприятие этих народов в российской политической традиции, согласно которой установление русского имперского владычества в регионе представлялось как защита христиан от мусульманских врагов⁴⁸.

В 1920-е годы аргументы Марра становились все более политизированными и постепенно стали использоваться в политических целях, включавших репрессии против научных оппонентов Марра. После так называемого «академического дела» 1929–1931 годов мало кто из ученых мог не видеть, сколь губительным может оказаться поддержка «неправильной» научной позиции⁴⁹. В напряженной атмосфере, создавшейся вокруг разворачивающегося «академического дела», в ходе разработки которого были арестованы члены бывшей Императорской, а теперь советской Академии наук, включая тех, кто находился на самом вершине академической иерархии, коллегой и другом Марра Ольденбургом была сформулирована наиболее последовательная критика европейского востоковедения – как прошлого, так и настоящего. Эта критика многократно воспроизводилась в течение всего советского периода; она должна была указывать на то, что советский режим дал начало новой науке о неевропейских обществах, свободной от европоцентристских предрассудков и стереотипов.

Тем не менее, истоки идей Ольденбурга восходят к рубежу XX века, и начало их формирования приходится на период первого появления критики европоцентристских предубеждений со стороны различных групп европейских ученых.

⁴⁵ Он же. Этническая и национальная культура Кавказа // ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1801. Л. 2, 8-9, 160-162; Записка академика Н.Я. Марра о Кавказском Историко-археологическом институте. С. 988.

⁴⁶ Марр. Кавказоведение и абхазский язык. С. 59-78, в особ. С. 59-62.

⁴⁷ Он же. Этническая и национальная культура Кавказа. О новаторской работе Марра о синкретической (как христианской, так и исламской) природе городской культуры средневековой армянской столицы Ани см.: Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр: археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1996–1997 [1998]. № 5. С. 380.

⁴⁸ Jersild Austin L. Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the «Small Peoples» of the Middle Volga and the North Caucasus // The Russian Review. 2000. Vol. 59. № 4. P. 514-515, 519-520.

⁴⁹ Алпатов В.М. История одного мифа; Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenesis; в особ. P. 843-862; Tolz V. Between Professionalism and Politics: Russian Academicians and the Revolution. Basingstoke, 1997. P. 104-106.

Уже в 1895 году Ольденбург начал рассуждать о неспособности европейцев понять или даже попытаться понять жизнь народов в Азии из-за нежелания видеть в представителях этих народов «человека».⁵⁰ Далее, для Ольденбурга, как и для Марра, Первая мировая война стала поворотным событием в его интеллектуальном развитии. После 1914 года взгляды Ольденбурга существенно радикализируются. Он начинает трактовать археологические методы западноевропейских ученых как проявление варварства западных империалистов, все внимание которых было занято исключительно обогащением музеев Европы сокровищами с Востока. Ольденбург противопоставлял этому подходу работу российских ученых, в которой он видел проявление гораздо большего уважения к традициям и нуждам неевропейских народов⁵¹.

Так же, как и в случае с Марром, жесткая критика, высказываемая Ольденбургом в адрес западноевропейской ориенталистики после 1917 года, и противопоставление ей советской науки о «Востоке» не являлась простым проявлением политического оппортунизма. До известной степени, работы этих ученых представляли собой дальнейшее развитие взглядов, сформировавшихся как в России, так и в большинстве европейских стран уже в первые годы XX века и ставших особенно очевидными во время Первой мировой войны в результате травм, нанесенных национальному самосознанию, и возникновению сомнений в нравственных основах «европейской цивилизации».

В послевоенный период критика европейских культурных традиций и пессимизм по поводу будущего Европы достигли новой стадии, начало которой ознаменовалось появлением работы Освальда Шпенглера *Закат Европы*. Обе революции 1917 года, временный распад империи, кровавая гражданская война и установление большевистского режима с обещаниями построить новое общество на принципах, отрицающих колониализм, стимулировали в российских интеллектуальных кругах артикуляцию антиколониальных дискурсов.

Наиболее известный из этих дискурсов был сконструирован евразийским движением в эмиграции, возникшим на волне общеевропейских интеллектуальных и политических тенденций, а также как отклик на события в России. В книге *Европа и человечество*, опубликованной в 1920 году, будущий интеллектуальный лидер евразийцев Николай Трубецкой утверждал, подобно Марру, что амбициозное стремление европейской культуры считать себя критерием, относительно которого другие общества могут быть классифицированы как отсталые, являлось

⁵⁰ [Ольденбург С. О.] [Рец. на кн.:] Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. [М., 1895.] // ЗВОРАО. 1895. № IX. С. 304.

⁵¹ Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 // ИБОРГО. № 45. С. 111. См. также: Дьяконова Н.Д. Материалы Первой Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга, 1909-19010. М., 1995. С. 5-10. Позиция, занимаемая Ольденбургом, не являлась специфической для России. О сходных аргументах немецких ученых об их археологической работе см.: Marchand. Down from Olympus. P. 192. См. также: Hagen G. German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24. № 2. P. 149.

эффективным инструментом европейского империализма, влияние которого неизбежно оказывалось разрушительным для колонизированных обществ⁵².

Попытки Ольденбурга очертить новые принципы советского востоковедения, которые, как предполагалось, должны были отличаться от принципов европейской науки, коренящихся в империалистической эксплуатации «Востока», следует понимать в этом широком интеллектуальном контексте. Ключевой элемент критики, неоднократно повторявшийся Ольденбургом в первые годы советского периода, состоял в том, что «западный человек плохо понимает Восток, поскольку его занимают исключительно достижения его собственной цивилизации, и поэтому он закрывает глаза на великую, захватывающую воображение культуру Востока»⁵³. Дальнейшее развитие взглядов Ольденбурга нашло отражение в ряде статей, написанных им между 1927 и 1932 годами – в критический период, с точки зрения его личной карьеры и сложившейся ситуации в отношениях между советским режимом и Академией наук, с которой была связана вся его профессиональная жизнь⁵⁴.

В этих статьях, сейчас практически забытых, ученый беспрецедентно радикализировал свою критику связи между востоковедческим знанием и разлагающим влиянием имперской власти. В обзоре работ Ольденбурга по истории востоковедения, написанном вскоре после смерти ученого, его младший коллега И.Ю. Крачковский проигнорировал эти статьи, по-видимому считая их грустным примером уступки политическому давлению со стороны советского режима.⁵⁵ И тем не менее, было бы слишком упрощенно видеть в статьях Ольденбурга лишь пример политического оппортунизма. Вместо этого мы должны отнестись к его статьям как к попытке, предпринятой не политическим оппортунистом и приспособленцем, а вполне честным ученым, адаптирующим взгляды, развиваемые им уже достаточно долго (и, к тому же, тесно связанным с влиятельной европейской интеллектуальной традицией того времени) к требованиям предпринятой режимом политической кампании по советизации Академии. Несмотря на то, что политическая обстановка конца 1920-х – начала 1930-х годов заставляла Ольденбурга использовать примитивный и крайне политически ангажированный стиль письма, содержание его статей отражало некоторые из давно вынашиваемых им идей о том, что «Восток является предметом империалистических, захватнических тенденций. Всему миру известны желания капитализма превратить Восток

⁵² Уже в работе *Европа и человечество* (1920) Николай Трубецкой указал на прямую связь между универсалистскими амбициями европейской культуры и колониализмом. См. Глебов С. Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в Евразийстве // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 275-276.

⁵³ Ольденбург С.Ф. Предисловие к каталогу издательства «Всемирная литература» // *Литература Востока*. 1919. № 2. С. 6.

⁵⁴ В октябре 1929 года Ольденбург был снят с должности постоянного секретаря Академии наук, которую он занимал с 1904 года. См. Tolz V. *Between Professionalism and Politics*. P. 117-122.

⁵⁵ Крачковский И.Ю. С.Ф. Ольденбург как историк востоковедения // Он же. *Избранные сочинения*. Т. 5. М., 1958.

в бессловесную колонию. [...] Во всю многовековую историю сношений Востока с Западом, начиная со столкновений греков в античности, продолжая крестовыми походами в средние века и кончая теми упорными стремлениями, которые в новые и новейшие времена проявляли господствующие классы Запада один за другим и которые мы можем наблюдать и сейчас можно было бы составить толстую книгу из одних выписок, выявляющих эту точку зрения Запада»⁵⁶.

Эта давняя цель подчинить Восток своему господству, сформированная под влиянием представления о глубоком различии между Востоком и Западом, «естественно» «нашла себе отражение и в области исследований Востока»⁵⁷. Само существование термина «востоковедение» было отражением такого подхода, поскольку не существует сопоставимой с ним дисциплины под названием «западноведение». Ольденбург рассуждал о странности того, что до сих пор никто даже не спросил, насколько допустимо было выделение изучения Востока в отдельную дисциплину⁵⁸. Более того, это разделение исследований «Востока» и «Запада» укрепило мнение, что они являли собой два разных мира, и это восприятие не только оказывало влияние на европейскую колониальную политику на «Востоке», но и само укреплялось благодаря такой политике⁵⁹.

Из-за такой обособленности востоковедения экономическое и политическое развитие «Востока» практически не изучалось. Также ученые не занимались современным положением неевропейских обществ. Вместо этого они, как правило, были сосредоточены на изучении прошлого и интересовались проблемами религии и лингвистики⁶⁰. Наконец, многие европейские ученые полагали, что на Востоке не существует «точной науки, научного мирозерцания, отличающего культуры Запада». По словам Ольденбурга, большинство европейских востоковедов всегда придавало «мало значения восточному научному преданию, его пониманию памятников восточного творчества, противопоставляя ему, как единственно верное западное понимание, основанное на единственно, по их мнению, верных, западных методах исследования». Таким востоковедам Ольденбург противопоставлял других ученых, которые «считали и считают, что у каждого культурного народа, независимо от того, западный ли он или восточный, есть свое понимание своей культуры, считаться с которым и, во многих случаях даже ру-

⁵⁶ Ольденбург С.Ф. Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7/8. С. 64.

⁵⁷ Его же. Восток и Запад в советских условиях (1931 г.) // ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 116. Л. 5. См. также нападки на «старое» востоковедение в 1930-е годы в обсуждении: К положению на восточном фронте // Там же. Д. 122. Л. 233.

⁵⁸ См.: Ольденбург, Востоковедение и Октябрь (1932 г.), ПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 109. Л. 32. Фактически, этот вопрос был поставлен Марром уже в 1918 году во время создания факультета общественных наук Петроградского университета и упразднения факультета восточных языков. Марр Н.Я. Об организации Факультета общественных наук. Л. 28.

⁵⁹ Ольденбург С.Ф. Востоковедение в Академии Наук на новых путях // Вестник Академии наук. 1931. № 2. С. 9-10. Подробно об этом смотрите также статью Ольденбурга «Востоковедение и Октябрь».

⁶⁰ Ольденбург С.Ф. Советское востоковедение. С. 64; Его же. Востоковедение в Академии Наук. С. 11.

ководствоваться которым обязан всякий, кто задается целью научно исследовать данную культуру»⁶¹. К последней группе Ольденбург, конечно, относил самого себя. Подытоживая свои рассуждения, Ольденбург заключил, что востоковедение как научная дисциплина должно реформироваться в соответствии с требованиями времени и «раздробившись, стать неотъемлемой частью экономики, истории, языкознания, литературоведения и т.д.»⁶²

Достаточно легко установить, какие из аргументов в этих статьях были навязаны Ольденбургу извне, а какие принадлежали ему самому, если не по форме, то по содержанию. Влияние европейского колониализма на востоковедение, пренебрежение европейских ученых «научным мировоззрением Востока» и недооценка ими экономических и политических вопросов в изучении неевропейских обществ – все это было предметом его неподдельного интереса. Однако, утверждая, что изучение прошлого и религии было бесполезным и даже реакционным, Ольденбург, который до революции видел в научном изучении прошлого высшую форму знания и который сам был специалистом по буддизму, просто повторял нападки на «буржуазную науку» активистов советской культурной революции. Также маловероятно, чтобы Ольденбург, который до революции был неутомимым борцом за создание международно признанного «русского востоковедения», действительно хотел добиться ликвидации всей этой дисциплины в целом. Когда в 1918 году факультет восточных языков Петроградского университета был упразднен, а его сотрудники были распределены по четырем разным отделениям вновь созданного факультета общественных наук, ученики Розена были очень обеспокоены «разгромом» того, что являлось, по их мнению, всемирно известным факультетом, который они представляли «уникальным» по своим масштабам и целям⁶³.

Критика Ольденбургом востоковедения в том виде, как она была сформулирована в конце 1920-х – начале 1930-х годов, очень похожа на ключевые аргументы

⁶¹ Цит. по: Крачковский. С.Ф. Ольденбург как историк востоковедения. С. 16.

⁶² Ольденбург. Советское востоковедение. С. 65.

⁶³ Об этой реакции см. записку, написанную в 1918 году Марром, который был деканом восточного факультета с 1911 года до его упразднения: «Об организации Факультета общественных наук». Записка Марра о создании нового расширенного Факультета общественных наук и упразднении Факультета восточных языков, сохранившаяся в его личном архиве, была задумана им либо как обращение к правительству, либо как публичное выступление. Начинается она с восхваления создания нового Факультета общественных наук и утверждения, что востоковедение только выиграет от более тесной интеграции с филологическими и историческими исследованиями европейских обществ. Марр повторил свою точку зрения, которую разделяли Розен и его последователи, что такая тесная интеграция поможет преодолеть «односторонний» европоцентризм в востоковедении (Л. 28). Но вдруг, несколько противореча вышесказанному, в середине записки Марр восклицает: «Разрушен [выделено Марром – В.Т.] Факультет восточных языков, единственный до сих пор существующий в мире, не только в России, и необходимо не только сохранить то творчество, которым факультет приобрел всеобщее признание в ученом мире востоковедов лишь за несколько десятков лет, но и усилить его, иначе не стоило приносить себя в жертву новому университетскому строительству». (Л. 29-30).

Саида, направленные против европейского ориентализма⁶⁴. Саид писал, что он заимствовал у Мишеля Фуко его понятие дискурса, которого, конечно, нет в работе Ольденбурга. Тем не менее, влияние Фуко на концептуальные основы критики Саида, по сути, довольно поверхностно. То, что Фуко называет «дискурсом», предполагает наличие «новых государственных структур, институтов власти, экономического производства, форм рационального планирования», которые возникли в период между XVI и XVIII веками⁶⁵. Согласно Фуко, «дискурс» должен изучаться в контексте конкретных исторических, политических, социальных и экономических условий. Такой исторически конкретный анализ дискурса по большому счету отсутствует в работе Саида. Вместо этого, концептуальная модель Саида, а не только отдельные утверждения, сохраняет близость к подходу Ольденбурга. Работы обоих авторов предполагают, что «(а) существует единая европейская/западная идентичность, которая силой своей мысли создавала историю; (б) эта непрерывная и единая история европейской идентичности и формирующая ее интеллектуальная деятельность существует со времен древней Греции до сегодняшнего дня, постоянно воспроизводя определенный набор неизменных убеждений и ценностей»⁶⁶. Оба автора в значительной степени воспринимали «Запад» как эссенциалистскую категорию.

Саид не был знаком с работами российских ученых. Тем не менее, существует прямая связь между Саидом и его российскими предшественниками. В своей критике европейского ориентализма Саид опирался на труды некоторых арабских авторов, инициировавших в начале 1960-х годов критику западного востоковедения с позиций одновременно марксистского, постколониального и националистического подходов⁶⁷. Первой публикацией, в которой были четко обозначены главные обвинения против западных ориенталистов, которые позже популяризировал Саид, была статья «Кризис ориентализма», опубликованная в 1963 году марксистским социологом из Египта Ануаром Абдель-Малеком⁶⁸. По мнению Абдель-Малека, западная ориенталистика была неразрывно связана со стремлением Европы доминировать над Востоком и империализмом нового времени. Европоцентризм и расизм превратили «Восток и жителей Востока» в

⁶⁴ Работа Саида имеет один явственно выраженный аспект, который отсутствует в работах Ольденбурга. Саид воспринимал ориентализм как литературный феномен и применял для его исследования инструментарий литературной критики.

⁶⁵ Ahmad A. Between Orientalism and Historicism: Anthropological Knowledge of India // *Studies in History*. 1991. Vol. 7. № 1. P. 145-146.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Said E. *Orientalism Reconsidered* // *Literature, Politics and Theory* / Ed. Francis Baker et al. London, 1986. P. 214-215. Эдвард Саид признавал: «В сущности, то, что сказано мною в ориентализме, уже было сказано до меня» А.Л.Тибави (A.L. Tibawi), Абдаллой Ларуем (Abdulah Laroui), Анваром Абдель-Малеком (Anwar Abdel-Malek), Талалом Асадом (Talal Asad), С. Г.Алатасом (S. H. Alatas), Францем Фаноном (Frantz Fanon), Эме Сезером (Aimé Césaire), К.М. Паниккаром (K. M. Panikkar), Ромилой Тхапаром (Romila Thapar).

⁶⁸ Abdel-Malek A. *Orientalism in Crisis* // *Diogenes*. 1963. Vol. 11. № 44. P. 103-140. Примеры использования Саидом аргументации Абдель-Малека см., в частности: Said E. *Orientalism*. P. 96-97, 105, 108, 325.

«"объекты" исследования с отметкой инаковости», при этом «Восток» неизменно описывался как «пассивный, безучастный» и бессловесный. Европейская ориенталистика была сосредоточена на изучении прошлого, и «само это прошлое изучалось в его культурных аспектах, особенно языка и религии, рассматриваемых изолированно от социальной эволюции». С точки зрения применяемых концепций и методологических подходов, ориенталистика, по сравнению с другими отраслями гуманитарных и общественных наук, была устаревшей дисциплиной. «Научная работа ученых из восточных стран старательно замалчивалась».⁶⁹ Последнее, но не менее важное обвинение заключалось в том, что европейцы разграбили культурные ценности восточных обществ, увезя их в музеи и библиотеки Запада.

Одна из причин такого сходства аргументов Абдель-Малека и Ольденбурга заключается в прямом заимствовании. Первая сноска в статье Абдель-Малека содержит ссылку на статью «Востоковедение» в *Большой Советской энциклопедии* 1951 года издания, где были кратко подытожены основные положения критики европейского востоковедения, впервые сформулированные Ольденбургом⁷⁰. Французский востоковед Максим Родинсон заметил, что иногда критика Саидом европейского ориентализма, если довести ее выводы до логического конца, имеет сходство с советской теорией «двух наук».⁷¹ Это сходство представляется результатом заимствования Саидом через арабских ученых-марксистов 1960-х годов критики европейского востоковедения, артикулированной Ольденбургом в рамках советской идеологической кампании.

Однако такое заимствование было, конечно, не механическим. Критика западноевропейской науки Ольденбургом и Марром, с одной стороны, и Абдель-Малеком и другими левыми арабскими интеллектуалами, включая Саида, – с другой, была сформулирована этими авторами в рамках поиска идентичности, в котором сравнение с Западом и осознанная или неосознанная необходимость получить от него своего рода одобрение стояли во главе угла⁷². Другую причину общности взглядов между этими двумя группами авторов следует искать в марксизме. Марксистский анализ «гегемонии меньшинства, обладающего властью» над обездоленным большинством, и его стремление обратить внимание на важность экономических процессов являлись формообразующими принципами трудов Абдель-Малека и других более поздних авторов. Ольденбург и Марр тоже уделяли внимание этому аспекту, хотя вопрос о том, насколько хорошо они знали учение Маркса, и сочувствовали ли они марксизму, продолжает оставаться открытым.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Востоковедение (иначе, ориенталистика) // Большая советская энциклопедия. Т. 9. М., 1951. С. 193-202, в особ. С. 193-196. Абдель-Малека также ссылались на французское издание работы Бартольда *История изучения Востока в Европе и России* (С. 130).

⁷¹ Rodinson M. *La fascination de l'islam*. Paris, 1980. P. 14.

⁷² Саид с готовностью признавал связь между своей критикой европейского ориентализма и вопросом собственной самоидентификации См.: Said E. *Orientalism*. P. 25-28, 338.

Конечно, не может быть полного сходства между теоретическими подходами современных ученых и работами, написанными в начале двадцатого века. Тем не менее обсуждаемые здесь идеи Ольденбурга приводят нас к необходимости поставить вопрос о степени оригинальности современных постколониальных исследований. На первый взгляд кажется парадоксальным, а на самом деле вполне закономерно, что самое резкое осуждение связи европейской науки о Востоке с политическими целями имперских государств было сформулировано именно при политическом режиме, который старался подчинить академическую науку идеологическим и политическим целям государства в несравненно большей степени, чем когда бы то ни было в истории России, не говоря уже о Европе в целом.

Методологические новшества и научное изучение буддизма

Критикуя состояние европейской ориенталистики, последователи Розена предложили целый ряд методологических новшеств – от упора на экономические и социальные, а не только религиозные вопросы в изучении мусульманских обществ, до отказа от создания национальных исторических нарративов в виде линейного развития единого народа от древних времен до наших дней. Самая далеко идущая и наиболее последовательная попытка пересмотра устоявшихся методологий была предпринята в одной отрасли российского востоковедения – изучении буддизма. Рассматриваемая здесь критика науки о буддизме на заре XX века удивительно схожа с ревизионистскими тенденциями в буддологии, возникшими в Северной Америке и Западной Европе в 1960-е годы. Сформировавшееся в ходе Холодной войны восприятие России как неевропейского государства привело к исключению российской науки имперского периода и первых лет советской власти, которая несомненно, была частью общеевропейской интеллектуальной истории, из постколониальных исследований истории европейской науки. В результате, некоторые важные открытия российских специалистов по буддизму, проводивших свои исследования в последние годы имперского и первое десятилетие советского периода, остались в этих критических обзорах истории европейской науки без внимания.

Когда в 1960-е годы в науке Северной Америки и Западной Европы начался пересмотр традиционных методов изучения буддизма, особенно интенсифицировавшийся после публикации книги «Ориентализм» Саида и появления постколониальных исследований, несколько общепринятых точек зрения, бытовавших в западной буддологии, были выбраны для особой критики. Основными из них являлись, говоря словами Дональда Лопеца, представления о том, что «рукопись важнее живого информатора», а «классический [древний] источник важнее со-

временного народного»⁷³. Лишь в редких случаях непосредственное общение с живым носителем традиции оценивалось выше, чем филологическая работа с текстом⁷⁴. Даже в тех случаях, когда признавалась необходимость привлечения «туземцев» в целях облегчения доступа к текстуальной традиции буддизма, они не рассматривались в качестве равноправных участников научного процесса⁷⁵. В течении XIX века европейская наука и практикуемые ею методы исследования все чаще представлялись превосходящими те, которыми пользовались «образованные туземцы»⁷⁶. Это распространялось на все области ориенталистики и создавало особенно неоднозначные отношения между буддологами из Европы и самими буддистами, «также заявляющими свои права на тексты»⁷⁷.

Согласно Лопецу, период ревизионизма в европейской науке на рубеже XIX–XX веков почти не отразился на изучении буддизма, поскольку на тот момент буддология только формировалась как отдельная академическая дисциплина. С 1880-х годов ограничение научных исследований филологической работой с текстами и поиском «подлинного» учения Будды в определенных древних письменных источниках (например, Палийского канона) было главной чертой как континентальной, так и британской науки о буддизме. «Реифицированная чистота изначального, подлинного» буддизма была противопоставлена вырожденческой природе его современной живой традиции⁷⁸. Современные практики буддизма почти не изучались. По словам Лопеца, западноевропейские публикации по вопросам тибетского буддизма имели свои особенности. В некоторых случаях тибетский буддизм рассматривался как пример искажения изначального индийского учения «дикими монгольскими племенами», в других же преподносился как идеализированная область чистой духовности⁷⁹.

В первые десятилетия XX века, особенно в 1920-е годы, российские специалисты по буддизму под руководством Щербатского обозначили те же проблемы в европейских исследованиях буддизма и предложили свои пути их преодоления. Этим они предвосхитили основные положения постколониальной буддологии, возникшей во второй половине XX века. С начала 1900-х годов Щербатской со своими учениками и Ольденбургом ратовали за систематическое использование живой устной традиции интерпретации древних буддийских текстов и подчерки-

⁷³ Lopez D. Introduction // *Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism* / Ed. D. Lopez. Chicago, 1995. P. 1.

⁷⁴ Ibid. P. 4.

⁷⁵ См. подробное обсуждение этого вопроса в гл. 5.

⁷⁶ Raj K. Colonial Encounters and the Forging of New Knowledge and National Identities: Great Britain and India, 1760–1850 // *Osiris*. 2000. Ser. 2. Vol. 15. P. 119–134, в особ., P. 134; Raheja G. Introduction: Power and Dialogue in the Production of Colonial Ethnographies in Nineteenth-Century India // *South Asia Research*. 1999. Vol. 19. № 1. P. 1–4.

⁷⁷ Lopez. Introduction. P. 3.

⁷⁸ Almond Philip C. *The British Discovery of Buddhism*. Cambridge, 1988. P. 7–32; Snodgrass J. *Defining Modern Buddhism: Mr. and Mrs. Rhys Davids and the Pāli Text Society* // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2007. Vol. 27. № 1. P. 186–202.

⁷⁹ Lopez D. *Foreigner at the Lama's Feet* // Idem. *Curators of the Buddha*. P. 252.

вали необходимость изучения современных буддистских практик с привлечением практикующих буддистов из числа российских бурят как авторитетных экспертов.

То, что Щербатской и Ольденбург называли «живым подходом» к изучению буддизма, который, по их мнению, являлся спецификой русской науки, имеет сложную историю⁸⁰. Во-первых, в России так же, как и в Западной Европе, изучение буддизма было тесно связано с имперскими задачами государства. Первое в России систематическое исследование «живой буддийской традиции» на основе этнографических исследований, использовавших беседы с ламами, было предпринято в 1880-х годах профессором монгольских языков в Санкт-Петербургском университете Алексеем Позднеевым с целью сбора для имперской администрации информации о религиозных практиках бурят и калмыков⁸¹.

Тем не менее, говоря о своей интеллектуальной предыстории, ни Ольденбург, ни Щербатской со своими последователями не упоминали Позднеева. В силу того, что Позднеев выказывал определенные симпатии к православному миссионерству среди буддистов, а также потому что либеральные востоковеды считали, что он поддерживал слишком уж тесные связи с правительством (что, по их мнению, было неприемлемо для ученого), они критически относились к нему⁸². Вместо Позднеева Щербатской предпочитал упомянуть в качестве наставников, оказавших на него особое интеллектуальное влияние, австрийского и немецкого индологов – Иоганна Георга Бюлера из Венского университета и Германа Якоби из Бонна, придававших, по его словам, огромное значение индийской «туземной науке». Впрочем, по словам российских востоковедов, Бюлер и Якоби интересовались лишь брахманическими традициями и даже смотрели на буддизм «глазами брахманов»⁸³.

Кроме того, российские ученые высоко оценивали работы бельгийского специалиста по буддизму Луи де ла Валле Пуссена и Хендрика Керна из Лейденского университета за их сопротивление доминирующей точке зрения, приписывающей исключительную важность только буддийским текстам Палийского канона, как это делалось представителями школы Томаса Рис-Дэвидса в Британии⁸⁴. Усиливающаяся критика европоцентризма немецкоязычными востоковедами, а также Розеном и его последователями в России, равно как и становление археологии и этнологии в качестве независимых дисциплин, также ставили под

⁸⁰ Ольденбург С.Ф. Щербатской Ф.И., Тудянский М.И. Институт изучения буддийской культуры // Известия АН СССР. 1927. Сер. VI. № 21/18. С. 1703.

⁸¹ См. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей. СПб., 1998. С. 84-110.

⁸² См., например: Письмо Д. Клеменца В. Радлову от 11 января 1892 // ПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 128. Л. 17.

⁸³ Щербатской С.Ф. Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского / С.Ф. Щербатской, П.К. Коковцев, Н.Я. Марр и В.В. Бартольд // Известия Российской академии наук. 1918. Сер. VI, XII. № 16. С. 1718.

⁸⁴ Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Известия Российской Академии наук. 1918. Сер. VI, XII. № 7. С. 531-548, в особ. С. 542-543.

вопрос изучения истории и культуры исключительно посредством филологического анализа текстов⁸⁵.

Наконец, особенности, характерные для России, тоже внесли свой вклад в формирование ревизионистских взглядов российских специалистов по буддизму. Среди растущего числа представителей восточных меньшинств в российских университетах в начале XX века буряты, знавшие буддийские традиции из первых рук, представляли собой значительную группу. Наибольшую известность за свой вклад в изучение буддизма со временем получили Гомбожаб Цыбиков (1873–1930), Банзар Барадийн (1878–1937) и Цыбен Жамцарано (1880–1937). Щербатской и Ольденбург видели в сотрудничестве с ними возможность способствовать интеграции национальных меньшинств в общероссийскую государственность, помогая этим бурятам стать самостоятельными специалистами и одновременно содействуя развитию научной буддологии⁸⁶. В свою очередь, политическая и интеллектуальная атмосфера 1920-х годов немало способствовала дальнейшей радикализации ревизионистских тенденций и расширяла возможности сотрудничества между (бывшей) имперской ориенталистикой и носителями традиций «живого буддизма» в новых, находящихся на стадии становления, научных институциональных структурах.

Работу Щербатского *Теория познания и логики по учению позднейших буддистов*, опубликованную в двух частях в 1903 и 1909 годах, можно рассматривать как первую значительную попытку сформулировать методологическую критику европейских исследований буддизма⁸⁷. Данный труд, хотя и осторожно, но поставил под сомнение надежность использования филологического метода в работах таких российских ученых, как синолог Василий Васильев и западноевропейских специалистов по буддизму, которые пытались трактовать значение буддийской терминологии (особенно в текстах, представлявших собой перевод с санскрита на китайский и тибетский) на основе общелингвистического употребления слов. Таким образом, по мнению Щербатского, большинство его коллег не учитывало, что в буддийских религиозных и философских концепциях применялся свой собственный терминологический инструментарий, что ставило перед учеными задачу интерпретации явлений и понятий, закодированных в терминах, а не просто перевода текстов с использованием грамматик и словарей, по методике, взятой из классической филологии⁸⁸.

⁸⁵ См., например, Marchand. *German Orientalism and the Decline of the West*. P. 465-473; Idem. *The Rhetoric of Artifacts and the Decline of Classical Humanism: The Case of Josef Strzygowski* // *History and Theory*. 1994. Vol. 33, № 4. P. 106-130.

⁸⁶ Подробное обсуждение взаимоотношений Санкт-Петербургских востоковедов и бурятских ученых см. в гл. 5.

⁸⁷ Щербатской Ф.И. *Теория познания и логики по учению позднейших буддистов*. Ч. 1. СПб., 1903; То же. Ч. 2. 1909.

⁸⁸ Ермакова. *Буддийский мир глазами российских исследователей*. С. 153-154; Васильков. *Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф. И. Щербатского*. С. 184. См. также: Ольденбург. *Памяти Василия Павловича Васильева*. С. 539.

Щербатской пришел к выводу, что осуществление «концептуального перевода» буддистских философских текстов с тибетского и китайского языков непременно требует помощи со стороны «туземных ученых». Чувство превосходства европейцев в отношении их собственной «учености» по сравнению с «ученостью» «туземных специалистов» было безосновательным⁸⁹. Вместо этого, Щербатской видел большую системность во взглядах индийцев по различным аспектам логики, чем в традиционных европейских подходах. Он настаивал, что сокровища древней буддийской философии должны стать неотъемлемой частью европейского образования, чтобы «сделать имена Дигнаги и Дармакирти настолько же нам близкими и дорогими, насколько близки и дороги нам имена Платона и Аристотеля или Канта и Шопенгауера»⁹⁰.

После революций 1917 года Ольденбург, Щербатской и их ученики заострили свою критику европейской буддологии и расхожих представлений о буддизме в Европе. Европейцы критиковались за их взгляды на тибетский буддизм, как «искажение» исходного «чистого» индийского буддизма «полуварварскими ордами» из Монголии и Тибета. Поскольку буддийские общины в России практиковали именно тибетскую форму буддизма, российские ученые были особенно возмущены ее негативным освещением в научных работах по буддизму. В 1919 году учеником Щербатского Борисом Владимирцовым было отмечено, что «как и всякое мировое учение, как и всякое гениальное произведение, буддизм, живя, переходя от одного поколения к другому, от одной страны к другой, оставаясь все тем же, по-разному принимался своими последователями»⁹¹. Русские имперские специалисты утверждали, что ученые должны изучать все эти формы восприятия как монахов-буддистов, так и мирян, принимая во внимание исторический и культурный контексты⁹². В свою очередь, бывший студент Щербатского и Ольденбурга бурят Барадийн в своем новаторском этнографическом исследовании современных буддийских практик в тибетских монастырях сетовал на разделение исследования буддийских текстов (сфера деятельности ученых) и «изучения уклада жизни самих буддистов» (сфера деятельности путешественников). Как он не без основания заметил в 1926 году, сколько-нибудь последовательная попытка соединить оба подхода нашла себе место именно в российском востоковедении⁹³.

⁸⁹ Щербатской Ф.И. Тибетский перевод *Abhidharmakoshakarikah* и *Abhidharmakoshabhāṣyam* сочинений Vasubandhu. *Bibliotheca Buddhica*. Вып. XX. Петроград, 1917. Фск. I, п. II; Ольденбург. Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского. С. 1717; Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева. С. 542-543.

⁹⁰ Цит. по: Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева. С. 548. См. также С. 543.

⁹¹ Цит. по: Владимирцов Б.Я. Буддизм в Тибете и Монголии // Ермакова. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 230.

⁹² Там же.

⁹³ Барадийн Б.Б. Буддийские монастыри // Очерки истории бурятского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 108-151, в особ. С. 109-110. О появлении в начале 1960-х годов работ сторонников подхода, аналогичного подходу Барадийна, в западной буддологии см. Goldstein Mervyl C., Tsarong P. *Tibetan Buddhist Monasticism: Social, Psychological, and Cultural Implications* // *Tibet Journal*. 1985. Vol. 1. № 10. P. 14-31, в особ. P. 14. До Барадийна этнографическое описание тибетского общества было сделано Гомбожабом Цыбиковым, в котором, помимо прочего, изо-

Ученик Щербатского Оттон Розенберг предложил наиболее радикальный пересмотр методологических и теоретических подходов к изучению буддизма, особенно явственно предвосхитив позднейшую постколониальную критику европейской буддологии⁹⁴. В работе *Проблемы буддийской философии*, опубликованной в 1918 году, а также в ряде коротких статей, которые оставались неизданными вплоть до 1990-х годов, Розенберг охарактеризовал целую серию ошибок и заблуждений европейской буддологии⁹⁵. Он упрекал европейских ученых в том, что они часто представляют буддийское учение как полное диковин «волшебное царство [. . .] со странными интеллектуальными ландшафтами»⁹⁶. Как утверждал Розенберг, причиной такого представления был несовершенный методологический подход к изучению буддизма в европейской науке: «Общепринятое отношение к буддизму, исходя из положения, ничем не обоснованного, что буддизм в сущности – явление определенное, однообразное, что это непременно должна быть одна система мировоззрения, одно определенное учение для всех, исповедующих его, – не принимает во внимание того факта, хорошо, впрочем известного, что буддизм, как все религии, с одной стороны, разбит на целый ряд вероисповеданий, сект и философских школ; а с другой стороны, как-то забывают, что буддизм, тоже как все религиозные системы одно, а в популярных простонародных формах – нечто другое»⁹⁷.

Кроме того, как считал Розенберг, этот вневременной буддизм, вынесенный за пределы какого-либо конкретного исторического и культурного контекста, «изучался слишком литературным, книжным способом». «Вследствие этого мы связывали такие факторы отдельных направлений [буддизма] или отдельных текстов, создавали такие комбинации, которых в живом буддизме никогда не бывало, и разумеется, что такие комбинации легко могли оказаться полными противоречий и странностей». Особым недостатком европейской буддологии, по Розенбергу, являлось то, что «меньше всего мы знаем современный буддизм – о нем как-то умышленно забывали. А на самом деле это, казалось бы, именно наиболее

бражались его социально-экономические проблемы, опровергающие идеализирующий миф о «старом Тибете». См.: Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 36-216.

⁹⁴ Биографию Розенберга и библиографический перечень его произведений см. в: Kollmar-Paulenz K., Barlow John S. Otto Ottonovich Rozenberg and His Contribution to Buddhology in Russia. Vienna, 1998. В данной книге отмечается, что работы Розенберга «до сих пор могут считаться вехой в западной буддологии (С. IX)». Она включает в себя обзор российской буддологии конца XIX и начала XX веков, составленный Ермаковой, который также представлен в цитирующейся здесь ее книге *Буддийский мир глазами российских исследователей XIX-первой трети XX века*.

⁹⁵ Розенберг О.О. Введение в изучение буддизма (по японским и китайским источникам). Ч. 2: Проблемы буддийской философии. Петроград, 1918. С. 45. Анализ оригинального подхода Розенберга см.: Пятигорский А.М. О.О. Розенберг и проблема языка описания в Буддологии // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971. С. 423-436.

⁹⁶ Розенберг О.О. О понимании восточной души // Ермакова. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 325.

⁹⁷ Там же. С. 325-326.

доступный и близкий материал»⁹⁸. По мнению Розенберга, которое позже опять появится в постколониальной критике западной буддологии, проблема заключалась в нежелании отказаться от использования подхода 1880-х годов – периода, когда «в европейской филологии и в истории религии господствовало увлечение древними памятниками». Таким образом, европейские ученые взялись за решение сомнительной задачи – «изложению буддизма Будды» на основе «древнейших источников – проповедей палийского канона».

По словам Розенберга, «не подлежит сомнению, что прием исследования, пренебрегающий материалом современным, глубоко ошибочен», так же как и подход, который не учитывает полностью «туземных» знаний и интерпретаций⁹⁹. Розенберг отметил попытку Бюлера включить «туземные традиции» изучения «индийской литературы» в европейские исследования этой письменной традиции. В буддологии подобного не случилось, хотя, по мнению Розенберга, имеются возможности найти «хранителей традиции» «и при их помощи [...] и для европейца возможно понять древнейшие тексты, как их понимает туземный ученый – действительно ученый. Путь более верный и близкий, чем самостоятельные попытки раскрыть тексты, какие бы они ни были оригинальные и остроумные»¹⁰⁰.

Подвергая критике превалирующий среди европейских ориенталистов иерархический взгляд на «туземные» знания и типы исследований как несовершенные по сравнению с европейскими научными методами, Розенберг риторически заявлял: «Представьте себе, например, японца, который стал заниматься Аристотелем или, например, русскими былинами, но который обратился бы непосредственно к первоисточникам, пренебрегая всем тем, что писалось об Аристотеле в позднейшей философской литературе, пренебрегая всеми современными научными трудами об Аристотеле или о былинах. Разве мы такие занятия считали бы серьезными? А ведь это именно до сих пор метод, применявшийся к буддизму и к дальневосточной религиозной литературе вообще, – полное игнорирование современной традиции»¹⁰¹.

Серьезное знакомство с интерпретациями современных ученых буддистов (которые, помимо прочего, могут пролить свет на древние буддийские тексты) должно осуществляться в тесном взаимодействии с этнографическими исследованиями современных практик и верований. Такой подход, настаивал Розенберг, «применим не только по отношению к Востоку, но и по отношению к любому чуждому народу»¹⁰².

С первых лет XX века Ольденбург, Щербатской и их ученики начали сотрудничать с бурятами, исповедующими буддизм, которые были студентами восточ-

⁹⁸ Там же. С. 326-327.

⁹⁹ Там же. С. 327.

¹⁰⁰ Там же. С. 328.

¹⁰¹ Там же. С. 327.

¹⁰² Розенберг О.О. Об изучении японского буддизма // Ермакова. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 321.

ного факультета Санкт-Петербургского университета, а также с буддийскими ламами. Наиболее значительной попыткой в плане реализации программы Розенберга (после преждевременной смерти своего ученика эту программу продолжал развивать Щербатской) стало создание Института изучения буддийской культуры, основанного как часть Академии наук СССР и просуществовавшего с 1927 по 1930 год. Как следует из отчетов, в институте был принят «живой подход» к изучению буддизма, охватывающий его современные практики и традиции устного творчества. Институт должен был способствовать организации тесного сотрудничества на паритетных началах между учеными, вооруженными европейскими методами исследования, и образованными буддистами с их собственным подходом к интерпретации буддийских текстов и практик. Как писал Щербатской в письме русско-польскому монголоведу Владиславу Котвичу: «У нас есть большое преимущество (по сравнению с зарубежными учеными) прямого ознакомления с этой [буддийской] философией непосредственно через ученых лам. Вы сами хорошо знаете, сколь обширны, глубоки и ценны их знания. В этом смысле нам работать легче [чем западноевропейским специалистам по буддизму – В.Т.]¹⁰³».

По словам основателей института Ольденбурга и Щербатского, его упор на восточно-ориентированное научно-исследовательское сотрудничество представлял собой «единственно верный подход» к изучению буддизма¹⁰⁴. Таким образом, мечта графа Уварова о российском центре востоковедения, где лама будет трудиться рука об руку с европейским ученым, как ни парадоксально, воплотилась в жизнь когда Санкт-Петербург уже более не являлся столицей Российской империи и был переименован в честь основателя первого коммунистического государства.

Учредители института осознавали, что некоторые из современных «туземных» исследований буддизма были написаны теми местными учеными в Японии, Китае, Бурятии и Монголии, которые испытали влияние европейской системы образования и интерпретировали свои традиции с точки зрения европейского концептуального аппарата¹⁰⁵. Ольденбург и Щербатской не видели в этом проблемы. Наоборот, они считали – так же, как и Розен, – что это благоприятный знак интеллектуального сближения Востока и Запада¹⁰⁶.

¹⁰³ ПФ АРАН. Ф. 761. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

¹⁰⁴ Ольденбург, Щербатской, Тудянский. Институт изучения буддийской культуры. С. 1702.

¹⁰⁵ См. обсуждение вопроса о восприятии буддизма японскими мыслителями в начале XX века в: Sharf Robert H. The Zen of Japanese Nationalism // History of Religion. 1993. Vol. 33. № 1. P. 1-43; и Snodgrass J. Presenting Japanese Buddhism to the West: Orientalism, Occidentalism, and the Columbian Exposition. Chapel Hill, 2003.

¹⁰⁶ Ольденбург, Щербатской, Тудянский. Институт изучения буддийской культуры. С. 1704.

Заключение

Продолжая традицию ревизионизма, возникшую в европейской науке рубежа XX века, последователи Розена предложили важные концептуальные и методологические нововведения в свои дисциплины. Их новаторские подходы предвосхитили на несколько десятилетий многие выводы постколониальных исследований, появившиеся почти пол века спустя.

Новый подход к востоковедению конца XIX – начала XX веков имел различные последствия. Некоторые из них были негативными. Так, начиная с конца 1920-х годов, озабоченность последователей Розена влиянием политики на науку приняла новые формы. (Здесь опять-таки можно заметить очевидные параллели с Германией и Австрией. В период нацизма противоречивое наследие ревизионистской немецкой и австрийской ориенталистики позволило использовать некоторые из ее открытий и выводов в создании расистской науки Третьего Рейха¹⁰⁷.) В сталинском Советском Союзе в период после 1929 года ревизионистская аргументация таких ученых, как Марр и Ольденбург, включая и конструктивные идеи, как, например, критика Марром упрощенных способов написания национальной истории или их анализ взаимоотношений знания и власти стали использоваться в политических целях, что было чревато опасными последствиями для тех, кого стали клеймить как последователей «буржуазной науки»¹⁰⁸.

С другой стороны, школа Щербатского стала жертвой кампании против буддизма, начавшейся в 1930 году. Большинство русских и бурятских учеников и последователей этого ученого погибло во время сталинских репрессий¹⁰⁹. В 1937 году Щербатской сам подвергся жестким нападкам за свои высказывания о том, что европейские философы могли бы много узнать о логике из работ индийских мыслителей. Попытка Щербатского преодолеть разделение между Востоком и Западом была представлена его критиками как доказательство его нежелания принять неопровержимость интеллектуального превосходства диалектического материализма¹¹⁰.

То, что мы можем установить прямую связь между критикой европейской ориенталистики со стороны российских ученых и конкретными политическими событиями в России, Европе и даже Советском Союзе, само по себе не отменяет выводов российских востоковедов о проблемах, стоящих перед их дисциплинами. Поскольку Россия была одним из первых обществ, пытавшихся осуществить модернизацию в условиях конкуренции с более развитой Западной Европой (как экономически, так и политически), и поскольку в начале XX века русские снача-

¹⁰⁷ Pollock. Deep Orientalism? P. 80-96; Marchand. German Orientalism and the Decline of the West. P. 473.

¹⁰⁸ Tolz. Combining Professionalism and Politics. P. 99.

¹⁰⁹ Андреев. Храм Будды в Северной столице. С. 153-162; Васильков. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского. С. 178-179, 204-207.

¹¹⁰ Васильков. Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского. С. 205.

ла утратили империю, а затем вновь воссоздали ее, сопровождая это утверждениями о том, что новое государство будет по своей природе антиколониальным, у русской интеллигенции развилась, по выражению Исая Берлина, «обостренная чувствительность к нравственным, социальным и эстетическим проблемам, важное значение которых», в конце концов, их западные коллеги осознали лишь во второй половине XX века¹¹¹. Таким образом, вывод Сюзанн Маршанд о том, что мы не только «наследники [европейского] империалистического "взгляда"», как утверждал Саид, но в нашем постколониальном видении мира также «потомки немецкой ориенталистики» рубежа XX века¹¹², должен быть распространен (особенно учитывая отмеченную здесь связь между Ольденбургом и Саидом) и на российское востоковедение школы Розена.

¹¹¹ Сделанное Берлином наблюдение касается русских народников 1870-х и 1880-х годов. См.: Berlin I. *Russian Thinkers*. London, 1978. P. 210-237. Прекрасный анализ взглядов Берлина см.: Kelly A. *Towards Another Shore: Russian Thinkers between Necessity and Chance*. New Haven, 1998. P. 23.

¹¹² Marchand. *German Orientalism and the Decline of the West*. P. 473.